

Вперед, на Запад!

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

№ 36

13 марта 1943 г., суббота

Проклятие и смерть
немецко-фашистским
захватчикам, их госу-
дарству, их армии, их
„новому порядку в
Европе“!

И. СТАЛИН.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

НАШИ ВОЙСКА ЗАНЯЛИ ГОРОД ВЯЗЬМУ

12 марта войска Западного фронта, под командованием генерал-полковника тов. Соколовского В. Д., после решительного штурма овладели городом и железнодорожным узлом ВЯЗЬМА.

В боях за город Вязьму нашими войсками ВЗЯТЫ следующие трофеи: самолетов—8, танков—83, орудий разного калибра—69, пулеметов—222, автомашин и тракторов—565, паровозов—57, вагонов—515, большое количество снарядов, патронов

и другого военного имущества, которое подсчитывается.

Противник потерял только убитыми более 9.000 солдат и офицеров.

В боях за город Вязьму отличились войска генерал-лейтенанта тов. Гордова В. Н. и генерал-лейтенанта тов. Поленова В. С. Первыми ворвались в город части полковника тов. Петерс и полковника тов. Яблокова.

СОВИНФОРМБЮРО.

В немецкой кабале

Рассказ колхозницы Варвары Бахтиной

Третьего мая прошлого года к нам в избу зашел Фома Воронин, бывший кулак, поставленный немцами старостой нашей деревни Николаевка. Он сказал мне:

— Варвара, поедешь добровольно на работу в Германию?

— Не поеду. Не губи меня,—взмолилась я.

— Так, значит, не желаешь служить немецкой власти?—закричал Фома.—Лучше согласись, не то скажу коменданту. Тогда худо будет тебе.

Хлынули у меня слезы из глаз, слова промолвить не в силах.

— Так и запишем, что Варвара Бахтина согласилась ехать добровольно в Германию,—с усмешкой сказал гад.

Тут я попробовала было воспротивиться, но Воронин прикрикнул и пригрозил, что если я завтра не приду в Золотухино, то комендант расправится по всем правилам.

На другой день утром староста пришел уже с вооруженным немцем и сказал:

— Собирайся, Варвара, да побыстрей.

Не помогли ни слезы, ни мольбы. Меня, мою пятнадцатилетнюю сестренку и еще несколько моих сверстников погнали пешком в Золотухино, где мы провели почти сутки под открытым небом. Из Золотухина нас погнали в Курск. Харчи, которые мы взяли с собой, вышли, и начали мы голодать. Немцы ничего есть не давали. В Курске нас впахнули в „телятники“, по 50—60 человек в вагон. Выходить не разрешали, немецкий часовой то и дело отпускал нам подзатыльники.

Во Льгове нас высадили. Здесь мы проходили осмотр специальной комиссии. Под открытым небом в лагере, обнесенном колючей проволокой, два дня измывались над нами. В присутствии солдат заставляли раздеваться догола, осматривали тело, стригли. Голод дожимал нас, но пуще всего мучали нас издевательства. Были мы вольными русскими людьми, а немцы хотели превратить нас в скотину...

Неподалеку от нашей старой границы нас продержали в лесу пять дней. Немцы объяснили, что ехать опасно, потому что, мол, советские самолеты бомбят линию. Все эти пять дней мы ничего не ели. Люди начали опухать с голоду, поедали траву.

Наконец, нас опять посадили в вагон и мы поехали во Львов. Здесь опять прошли медицинский осмотр, после которого повели нас в баню. Оказывается, это гнусные кобели устроили себе потеху: солдатня пришла в баню поиздеваться над русскими женщинами. Некоторые девушки, в том числе и я, отказались мыться. Нас избили. Немецкие офицеры фотографировали нас и приговаривали: „Мы покажем всему миру, как мы приучаем вас к культуре“.

Хороша немецкая культура, нечего сказать!

Из Львова поезд пошел прямо в Германию. Только из-

(Окончание см. на 2 стр.)

редка нам давали кусок хлеба или похлебку из отрубей. Пустел наш эшелон. Из Курска везли три тысячи человек, но почти на каждой станции ссаживали больных, умирающих с голоду людей.

В Германии нас заключили в лагерь, где находились советские военнопленные. Это был участок в лесу, обнесенный высокой оградой из колючей проволоки. Спали прямо на земле. Стали мы жаловаться немецкому начальству, что нас не кормят. И вот на наших глазах заставили пленных накосить траву, мелко порубить и варить в котлах. Это было самое настоящее пойло для скота. Его-то нам и дали. Никто и не притронулся к нему.

Из лагеря, в котором мы прожили четыре дня, нас начали распределять по местам. Я, моя сестра Валентина и еще тринадцать девушек попали на военный завод. В 12 часов ночи нас всех 15 человек привели в комнату, в которой стояли нары в два этажа, покрытые бумажными матрацами, и сказали, что здесь мы будем жить. Кроме нары, ничего в комнате не было. Заперли нас. Утром в пять часов разбудили и повели в столовую. Дали по стакану горького кофе и 150 граммов хлеба. Вот и весь завтрак. Слово недовольства — и опять в ответ:

— Вы, русские, привыкли жрать. Надо привыкать к культуре, к немецкой еде.

После завтрака повели нас на завод и показали, что будем делать. Я была приставлена к машине, которую все время должна была чистить, смазывать. В 12 часов — обед. Похлебка из отрубей с картофельной шелухой — и ни кусочка хлеба. А потом — опять к машинам, где мы проработали до пяти часов вечера. На ужин — тот же горький стакан кофе. Затем погнало в общежитие и — под замок.

Целую неделю мы работали с пяти утра до пяти вечера. День тянулся за днем,

и видели мы одно — завод, станок и нашу комнату, похожую на тюремную камеру. А главное — гнет неволи. Самые настоящие рабы! За малейшее непослушание — подзатыльник или резиновая дубинка.

В воскресенье мы не работали. Сидим в своей камере и слово друг другу боимся сказать. За что наказала нас судьба! Вот две девочки Зина и Шура не выдержали и говорят:

— Давайте, девчата, откроем окна, посмотрим, что на улице делается.

Послушались их, раскрыли окна и стали смотреть. Тут выбежали немецкие дети и начали, как щенята, на нас лаяться. Мы отошли от окна. Посидели на нарах, а потом опять подошли к окну. В комнату полетели палки. Немецкие звереныши вышибли три стекла. Вдруг вбегает охранник и всех нас отколотил резиновой палкой.

Залились мы горькими слезами, а охранник тут как тут и опять драться.

— Перестаньте выть, коро-вы! — кричит.

Замолчали.

Охранник говорит:

— Управляющий приказал, чтобы за три стекла вычли у вас из жалованья по одной марке.

Мы же, выходит, и виноваты! А платили нам всего по 4 марки в неделю и из них высчитывали за квартиру, за постель, за еду, воду и канализацию. Да и штрафы. Так что на-руки редко кто получал одну-две марки. А то еще и с нас причиталось, и „долг“ переходил на следующий месяц.

Как-то в одно воскресенье заходит охранник и говорит, чтобы собрались в город — управляющий разрешил свести погулять. Повели нас, словно стадо, по мостовой. Немцы, сволочи, ходят, пальцами на нас показывают, смеются, ругаются нехорошими словами. Не гулянье, а пытка! Но когда в следующее воскресенье Зина и Шура

сказали, что не пойдут гулять, их вывели во двор и каждой дали по пятнадцати палок — „за неуважение к немецким властям“.

Многие не выдерживали непосильной работы, побоев и издевательств. Начались самоубийства. В одном общежитии девушка повесилась, другая перерезала себе ножом горло.

Казалось мне, скоро и мой конец придет в проклятой немецкой каторге. Но мне повезло. Немец заставил на ходу чистить машину, и мне на левой руке раздробило кость...

Подержали меня неделю в больнице, а потом вместе с еще десятками таких же несчастных, искалеченных в рабстве людей отправили обратно в Россию. Обратный путь был еще труднее, но все же радостней, так как это был путь на родину.

Не всем довелось доехать живыми. Дорогой многие померли. На каждой станции сгружали трупы. Жили мы все время подачками. Остановится поезд — идем побираться, искать корочку хлеба.

И вот, наконец, я добралась до Николаевки. Как раз в это время убрали уже урожай. Но немцы забрали весь хлеб, оставив лишь по нескольку снопов на семью. Пошла к старосте, чтобы дал хоть немного хлеба, а он меня прогнал. За несдачу молока у нас отобрали корову. Совсем стала пропадать с голоду. Ходила по полю, собирала колосья, лебеду.

Но дождалась я счастья. Пришла Красная Армия, прогнала душегубов. Дали мне хлеба, опять я свободная, на родной стороне. Но никогда не забуду немецкого рабства...

Село Николаевка, Революционного сельсовета, Золотухинского района, Курской области.

(„КРАСНАЯ ЗВЕЗДА“).

Ответственный редактор
А. А. ПОЛЕТАЕВ.